

А. О. ИВАНОВ

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАЗАЧЕСТВА
И КРЕСТЬЯНСТВА В ХОДЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1918 ГОДА (анализ газетных публикаций
меньшевистского направления, воспоминаний некоторых
руководителей Белого движения и большевиков)**

Одним из немаловажных аспектов периода Гражданской войны на территории Уфимской губернии являются зафиксированные в некоторых источниках факты попыток союза крестьян и казаков. В данной статье мы приведем имеющиеся в распоряжении автора сведения о таких фактах.

В отдельных регионах, например на Алтае, казаки и крестьяне выступали непримиримо друг против друга. Рассматривавший событийную сторону противостояния казачества и крестьянства на Алтае в годы Гражданской войны В. В. Исаев отмечает, что это был один из самых острых социальных конфликтов в регионе [8, с. 107]. Такое противостояние на Алтае обусловлено исторически. Дело в том, что во второй половине XIX — начале XX века в регион устремилось большое число крестьян из губерний европейской части России, а значительная часть казачьих земель не имела на тот момент четкого юридического статуса. Тем самым они сразу привлекли внимание приезжих крестьян и послужили причиной многочисленных земельных конфликтов, суть которых заключалась в захвате крестьянами казачьих земель. В процентном соотношении, в отдельных станицах и поселках, крестьянами было захвачено от 76 до 99% всех казачьих земель [8, с. 108]. Несмо-

тря на то что в конце XIX века царское правительство пыталось юридически урегулировать подобные противоречия, в регионе почти постоянно происходили конфликты бытового характера на границе казачьих и крестьянских земель [8, с. 108-109]. Сложившаяся, таким образом, к началу Гражданской войны ситуация, обуславливавшая взаимную неприязнь двух социальных групп, способствовала кровавой развязке этого конфликта.

Применительно к Уфимской губернии ситуация была обратной. У казачества в регионе не было такого острого конфликта с крестьянством. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, территориальный фактор. Зажиточное крестьянское население уездов Уфимской губернии проживало в основном в центральной, северной и северо-западной части Уфимской губернии, тогда как Оренбургское казачье войско находилось значительно южнее и занимало практически половину Оренбургской губернии, включая в себя частично Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды, что значительно отдаляло одних от других. Кроме того, в пределах Южного Урала оставались свободными огромные пространства. Эти земли начали обрабатывать намного позже — в период освоения целины. Во-вторых, между казаками и крестьянами не было таких крупных противоречий, как, например, на Дону, еще и по причине малого количества так называемых иногородних. Касаясь этой темы в своей программной статье «Позиция казачества», А. И. Дутов отмечал, что «Дону в свое время переселили столько крестьян, что задавили казачество» [2, с. 101]. Генерал-майор К. Я. Гоппер в своих воспоминаниях писал о настроениях крестьянства по отношению к красным и белым, отмечая при этом, что «крестьянское население Оренбургской и Уфимской губ[ерний], к западу от реки Ик, где чередуются села и деревни башкирские, русские, малорусские и казачьи, в большей своей части было пассивно, за исключением некоторых русских деревень, открыто сочувствовавших большевикам. По мере удаления к юго-востоку, в богатой долине реки Сакмары и в плодородных степях между реками Сакмарой и Уралом, большевизма уже почти не было заметно, но еще южнее, на границе с Киргизией, т. е. между Орском и Актюбинском, снова встречались села, давшие много добровольцев красной армии...» [2, с. 365].

Экономическая ситуация в пределах Уфимской губернии в конце 1917 — начале 1918 года характеризовалась тем, что новые власти резко, в отличие от центральной советской власти, начали преобразования в деревне. Это выразилось в ликвидации частной торговли, отмене помещичьей собственности на землю, введении прямого продуктообмена

между городом и деревней, по карточкам стало распределяться продовольствие.

Основным фактором, спровоцировавшим крестьянские восстания в Уфимской губернии сначала в феврале-марте 1918 года, а позже в июне-июле 1918 года, вполне обоснованно можно считать принудительное изъятие у крестьян хлебных «излишков». Первые продовольственные отряды появились на территории Уфимской губернии уже в ноябре 1917 года [5, с. 101-102]. Эти отряды, занимавшиеся реквизицией хлеба по своей деятельности, были прообразом появившихся в последующем (в мае 1918 года) продовольственных отрядов. Такие отряды представляли собой специально сформированные и подобранные вооруженные группы людей, которые фактически отбирали у крестьян продукты, руководствуясь зачастую нереальными и завышенными планами сборов продовольствия [7, с. 70]. Именно поэтому зажиточное крестьянство Уфимской губернии было поставлено заведомо в невыгодное положение, так как приходилось отдавать почти за бесценюк конечный продукт, полученный упорным трудом. Подобная социально-экономическая политика советской власти и послужила толчком к крестьянским восстаниям, произошедшим в Уфимской губернии в первой половине 1918 года.

Стоит отметить, что именно в этот период в разных источниках зафиксированы факты обращения крестьян Уфимской губернии к казакам. Информация о попытках такого взаимодействия в источниках приводится в контексте двух восстаний: Новотроицкого (июнь 1918 года) и событий в Месягутовской волости (май-июнь 1918 года) Уфимской губернии. Поскольку объем и формат данной статьи не позволяют подробно привести описание данных восстаний, остановимся кратко на том, в каких конкретно источниках дана информация о попытках взаимодействия крестьян с казаками.

Характеризуя настроения крестьян села Месягутово Златоустовского уезда, «собственный корреспондент» газеты меньшевистского толка «Голос рабочего» отмечал, что «усиленно циркулировались слухи, что крестьяне Златоустовского уезда послали депутацию к Дутову, чтобы он пришел и избавил их от грабежа и произвола красногвардейцев, обещая ему дать хлеба, деньги и оказать физическую помощь» [3, с. 4]. Небезынтересно, что в одном из последующих номеров этой же газеты была опубликована статья «Большевистский террор в с. Месягутове», в которой давалась весьма подробная характеристика настроений крестьянства Златоустовского уезда. Указанная статья сразу начиналась с констатации того, что «крестьяне Златоустовского уезда советской властью считались самыми яркими контр-революционерами во всей

Уфим[ской] губ[ернии]. В течение царствования большевиков в уездах среди крестьян бы[ло] несколько раз брожение, но всегда оно подавлялось советским бронированным кулаком... В крестьянской массе с каждым днем увеличивалось негодование против большевиков. Весною некоторые крупные селения даже обращались за помощью к казакам, прося их прийти и избавить их от произвола красноармейцев... Нужна была только искра, чтобы одновременно зажечь крестьян всех селений уезда против большевиков» [4, с. 3].

Первым в современной региональной историографии о фактах обращения крестьян к казакам упоминает А. В. Егоров в статье, посвященной бурным событиям на территории современного Дуванского района Республики Башкортостан в период Гражданской войны. Автор, описывая на имеющейся в тот момент (1994 год) у него информации события в Месягутово, отмечает, что «некоторые крупные селения даже обращались за помощью к казакам, прося их прийти и избавить от произвола красногвардейцев, обещая дать казакам хлеб, деньги и оказать физическую помощь» [6, с. 83]. Необходимо обратить внимание, что А. В. Егоров при написании рассматриваемой статьи использовал материал, процитированный нами выше. Ни до упомянутых нами газетных публикаций, ни после статьи А. В. Егорова 1994 года нами не найдено ни одной публикации или документа, который бы хоть как-то дополнял приведенный нами материал. Стоит оговориться, что это не означает того, что таких публикаций не было в принципе. Поскольку мы используем материал, выявленный в ходе работы в региональных архивах и библиотеках, вполне можно допустить, что есть дополнительный материал, сверх известного нам, а поскольку автору настоящей статьи на текущий момент такие публикации не встречались, использовано в работе именно то, что выявлено на региональном уровне.

Отдельно стоит рассмотреть обращения местного населения к казакам в ходе Новотроицкого восстания. Данное событие практически не описано в историографии и находит свое отражение чуть ли не в единственном сборнике воспоминаний участников ликвидации этого восстания, опубликованном еще в 1933 году. Идея создания сборника воспоминаний «Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году», судя по тексту предисловия, сводится к тому, чтобы идеологически обосновать жесткую карательную политику советской власти в период коллективизации на конкретных примерах из прошлого. Так, в воспоминаниях А. Веселова и П. Варивошена в контексте описания событий Новотроицкого восстания многократно говорится о том, что отдельные жители села как наиболее активные участники противостояния с советской властью

посылались «завести связь с казаками» [1, с. 45], а также «просить на помощь казаков... чтобы ускорить там восстание» [1, с. 48]. Причем если верить тексту авторов, крестьянские планы сводились к тому, что если будет одержана победа над большевиками в Кизганбаше, то «мы можем прогреметь не только по губернии, но и по всему Приуралью...» [1, с. 49-50], а далее «когда об этом узнают наши братья казаки и чехо-словаки, то в случае надобности окажут нам полную поддержку» [1, с. 50].

Весьма любопытно, что в массовом крестьянском сознании жителей Новотроицкого образ казачества был положительным. Описывая одно из крестьянских собраний, в ходе которого местные жители обсуждали вопрос о том, давать или нет лошадей красногвардейцам, объявившим мобилизацию лошадей, А. Веселов и П. Варивошня с язвительной нотой приводили диалоги крестьян в тексте своих воспоминаний о том, что «эти большевики, как демоны, налетели и захватили власть в свои руки на окончательную нашу погибель. Кто они? Они немецкие шпионы... Они хотят воевать с казаками, защитниками нашего отечества, нашими друзьями. Не дадим лошадей, православные!» [1, с. 32]. Таким образом, получается, что авторы, сами того не желая, «проговариваются» о крестьянских настроениях по отношению к большевикам. Эти настроения свидетельствуют о полном отсутствии поддержки со стороны крестьянства (в том числе и беднейшего) социально-экономической политики большевиков, осуществляемой в Уфимской губернии. Косвенно это подтверждается тем, что к началу июля 1918 года советская власть в Уфимской губернии была свергнута.

Рассматривая вопросы взаимодействия казачества и крестьянства в Уфимской губернии, стоит также иметь в виду, что все было далеко не безоблачно. Поскольку к 1917 году Южно-Уральский регион являлся одним из главных аграрных районов страны, а большая часть помещичьих усадеб, например соседней Оренбургской губернии, уже в 1917-1918 годах была разграблена, с падением советской власти некоторые бывшие землевладельцы потребовали возвращения им утраченной ранее земельной собственности. Так же как и в других регионах страны, помещики часто обращались за помощью к начальникам воинских частей, и те вмешивались в этот вопрос на стороне землевладельцев. Поскольку такие случаи имели место быть, то это не способствовало окончательно успокоению крестьянства [2, с. 345].

Изучив, таким образом, отдельные аспекты вопроса о взаимодействии казачества и крестьянства в ходе антибольшевистских крестьянских восстаний на территории Уфимской губернии в первой половине 1918 года путем анализа газетных публикаций меньшевистского на-

правления, воспоминаний некоторых руководителей Белого движения и большевиков, можно сделать следующие выводы:

1. Поскольку описанные факты попыток союза крестьян и казаков на территории рассматриваемого региона зафиксированы в газетных публикациях и воспоминаниях участников ликвидации крестьянских восстаний, они, безусловно, имели место быть, но как широко была распространена практика подобных обращений крестьян и какова была ответная реакция казачества мы, на имеющемся в данный момент материале, четко сказать не можем.

2. Факты обращений крестьян говорят о том, что они, отчаявшись добиться справедливости по отношению к себе, и были вынуждены обратиться к казакам. Рассматривая мотивационную составляющую такого решения крестьян, можно привести цитату из поставленной на сцене еще при жизни (в 1832 году) трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», в которой есть такие слова: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше...» [10, с. 86]. Как свидетельствуют документы, местное сельское население, у которого стали практически изымать «излишки» и «реквизировать» хлеб, было резко против этого [9, Л. 348], а захватившие власть большевики всеми силами и «любой ценой» пытались не допустить голода в центральных губерниях, понимая, что если им это не удастся, то дни их власти сочтены. Это противоречие послужило первым актом трагедии российского крестьянства начала XX века.

3. Результатом противоречивой политики большевиков, пытавшихся в соответствии с поставленной председателем ВЦИК Я. М. Свердловым в мае 1918 года задачей разжечь «гражданскую войну в деревне» (чтобы организовать и вооружить бедноту для борьбы с кулаками), стал мощнейший удар по самим большевикам. Удар этот выразился в том, что одной из главных причин падения советской власти летом 1918 года в Уфимской губернии стали многочисленные крестьянские восстания, а также стремление башкир к созданию национальной автономии. Все эти внутренние «сдвиги» были спровоцированы социально-экономической политикой новой власти. Понимая это, позднее большевики всеми силами пытались стереть память о крестьянских восстаниях. В советской исторической науке только с течением времени был выработан «гладкий» тезис по этому поводу, который можно привести в форме следующей цитаты: «Крестьянский вопрос в марксистско-ленинской науке является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата, это вопрос о главном союзнике пролетариата в его борьбе за власть. С одной стороны, без союза с крестьянством пролетариат не смог бы обеспечить победу социализма; с другой стороны, трудящееся крестьянство не смогло бы одержать победу, если бы его борьба не возглавлялась рабочим классом...» [11, с. 3].

4. Факты обращений крестьян к казакам, кроме всего прочего, обусловлены и тем, что последние воспринимались крестьянами как непримиримые борцы с советской властью. Крестьянство, не видя справедливость в новой власти, а видя фактически откровенный грабеж, обратилось к, как они думали, защитникам-казакам. В рассмотренных фактах обращений к казакам выражается также своеобразное стихийное народное чаяние на защитника, способного восстановить попорченную справедливость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселов А., Варивошения П. Новотроицкое кулацкое восстание // Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году: воспоминания / под ред. П. А. Кузнецова. — Уфа, 1933.
2. Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 623 с.
3. Голос рабочего. — 1918. — № 69. — 4 (17) мая.
4. Голос рабочего. — 1918. — № 89. — 12 июля (29 июня).
5. Давлетшин Р. А. Военный коммунизм // Башкирская энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа: Башкирская энциклопедия, 2006. — Т. 2. — С. 101-102.
6. Егоров А. В. Грозные дни (Дуванский край в феврале-июне 1918 года) // Башкирский край: сб. статей. Вып. 4: [Материалы по истории Дуванского района]. — Уфа: ПКФ «Конкорд-инвест», 1994. — С. 73-108.
7. Елисеев Г. Военный коммунизм // Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы / сост. и отв. ред. Д. Володин. — М., 2010. — С. 70.
8. Исаев В. В. Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы Гражданской войны // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Тюмень, 29-30 октября 2015 г. / под ред. Г. С. Зайцева. — Тюмень, 2015. — С. 107-115.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 163. Л. 348.
10. Пушкин А. С. Драматические произведения: проза / сост., авт. послесл. к прозе, коммент. Е. А. Маймин; авт. послесл. к драмам С. М. Бонди. — М.: Просвещение, 1984. — 351 с.
11. Силаева Н. М., Сальникова А. А. Источники по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье в период Великого Октября: анализ и вопросы публикации. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. — 173 с.